

ЕЛЕНА ЖАРНИКОВА

ПУТЁМ РАЗВЕДКИ

РАССКАЗ

Ночь. Заснеженное поле под полной луной... Из самого космического тёмка Вселенной плавными линиями нисходят лунные дорожки цвета зрелой пшеницы и, разбегаясь по бугристому и словно байковому насту, вальсируют с белой позёмкой. Поднимается, закручивается меловой пылью метелица. До слуха едва доносится слабое пощёлкивание в прозрачной, вскормленной свежестью тишине — главной хранительнице безмятежности почти уснувшей окраины села. Крупитчатый снег с алебастровым оттенком от изливающегося холодного света скучающей в небе бесприданницы-луны кажется вязким, как манка, сдобренная абрикосовым вареньем. Не моргнёт жёлтый блин, приклеенный под самым небесным куполом.

— Блин, видимость как на ладони, — командир разведгруппы оглядывает открытое поле, по которому им предстоит пройти.

Ощущение, что вот-вот прошмыгнёт над кромкой горизонта гоголевский черт. Но не к Солохе на хутор близ Диканьки торопятся разведчики. В эту фантазмагорическую ночь в районе Петропавловки в околоточной хате ожидается сход боевиков. Командование интересуется один из фигурантов, и разведка обязана доставить бандита на базу.

ЖАРНИКОВА Елена Владимировна родилась 17 ноября 1969 года в Хабаровске. В 1993 году окончила Дальневосточный государственный университет, факультет журналистики. Служит во Внутренних войсках МВД России с 1995 года. Службу начала в Восточном округе ВВ МВД РФ в окружной газете "Дальневосточный часовой" корреспондентом. С 1996 года не раз была в командировках в "горячих точках" Чечни и Дагестана. С 1999-го по 2006 гг. работала корреспондентом окружной газеты Северо-Кавказского округа ВВ МВД РФ "На посту". С 2006 года работает в журнале ВВ МВД РФ "На боевом посту" в должности заместителя начальника отдела информации, культуры и спорта. Воинское звание майор.

— Двигаемся, — рукой показывает командир.

Будь оно неладно, полным-полно бурелома под снегом навалено! Трещит на всю округу, при эдаком вынужденно неуклюжем движении и маскхалаты не выручат. Чертыхнувшись, откачивается к врагу офицер.

— В арык, — определяет знаком.

Часов в десять вечера подползли к исходному рубежу. Окидывает командир привычно-сноровистым взглядом местность. Вон она, борозда, лучшего укрытия для группы захвата, похоже, не найти. Можно ближе, но... нельзя, по самой окраине села рассредоточиваются. И хотя собаки в подобную морозную пору моськи, обросшие инеем, давно в будках отогревают, вдруг взбредет сумасбродному псу выскочить! Или прохожий запоздалый ненароком наткнется на разведку. Вариант комичный, но не для потехи же буерачные льдины локтями и коленями шлифовали! По глупости засветятся, тогда не избежать стрельбы. Открыть огонь — возможны потери... Хрен с ними, с боевиками, своих ребят нужно сберечь!

Горит в окошке свет, собралась шайка “на малине”. Но боестолкновения допустить нельзя. Ввязались в бой — сработали плохо. Сколько их?.. Та-ак, четверо выходят на перекур. Это понятно. А в хате? Не сосчитать. Тихушничают бандиты, незачем внимание чужих глаз привлекать. Ждать, остается терпеливо ждать. Свыклись разведчики часы в наблюдении коротать, да и навалом действовать не пристало, то штурмовиков задача! Не кулаком осиливают, а надежным, рассчитанным ходом проявляются наверняка. Назубок помнят кодекс разведчика: “...никто не должен знать, откуда я появился, никто не должен знать, что я здесь и когда уйду”. На последний случай оставляют клятву: “...если бог заберет меня раньше, чем я закончу выполнение задачи, то я воскресну и завершу её”. И всегда помнят: лучший разведчик — живой разведчик!

Верная дорога, по которой обратно, в соседний дом пойдет бандит. Надо ждать! А ледяная ночь щиплет разалевшиеся щеки, бьёт наотмашь пронзительным морозцем, студит-крепит мышцы в неподвижность. По уши окопались в снегу разведчики. Не зная, что коллеги впереди в засаде осели, не разглядеть группе прикрытия основную группу.

За полночь переваливает время, что-то не торопится оно сегодня. И боевики не порют горячку, степенно заседают. Харча, судя по всему, девать некуда, да и смочить сухомятку не грех. Вот уж третий раз сигаретные светляки засветились в непролазной темени. Но различимо: ёжятся на промозглом холоде смутные силуэты, подёргивают плечами, топчутся по стылой земле. Ага, побросали окурки и айда греться. Только оледеневшая дверь отзывается тонким скрипом.

...К четырём утра близятся стрелки. Знает командир, до рассвета должны вернуться обратно. Вот когда минуты наперегонки побегут, не нагнать! Окоლეвают разведчики, не до прыти! Вот оно...

— Всем готовность, — жестикует офицер, увидев, как мужчина вышел на дорогу и поплелся в надобном направлении. Медленно тянется, прохладжаясь. Напряглись бойцы, чётко знают, как действовать. 150 метров остается пройти бандиту до группы захвата... Давай, дружок, готов капкан, только тебя дожидается! 70 метров... Впились глазами в чёрную фигуру — здоровущий, а волочь на себе придется! 60 метров... Клином сталкивается свет на этом мужике! Зашкаливает адреналин! Ну, ближе, ближе! 50... Ах ты, сволочная натура!!! Останавливается детина... Не к месту при-спичило.

Брать?! Далековато — не выйдет неожиданности броска, не взять врасплох. А ещё до основной группы доставлять пса придётся. Мужик поборется, с тепла, чай, выполз, сытый. Шорох поднимут — выскочит боевичё из дома... Всю ночь пролежали разведчики на снегу, одеревенели тела, не та реакция, и быстрота движения утеряна. А может, рывком или...

— Хью мичахь? — непредвиденно выкликает темноту кудлатая голова, возникшая в полоске света отворившейся двери.

— Со утгаре, — слышится в ответ. Разворачивается мужичина и... удаляется в противоположную от разведки сторону.

Ох, и уела досада бойцов! Душит ярость от осечки! Взыграла, забурлила кровь от невезухи такой!

...На базе — в 46-й бригаде, заново через решето логики просеяли разведчики маломальские детали, мозаикой сложившие провальную спецоперацию, заново просчитали “если бы...”. Грызёт честолюбие червоточинной невыполненной задачи. Но... Человеческий фактор обусловил ситуацию, а луна коварная спрятала в карман счастливую звезду. Штормят эмоции, едва уняли. Но порешили — всё правильно делали. И хотя “на верняк” выходили, только ценой жизнью могли цель достичь. Но не солидно боевому профи гусарствовать, через русскую рулетку скакать! Вот англичанин Монтгомери, и тот, невзирая на лавину критики в свой адрес, всегда действовал вдумчиво и кропотливо. Не рисковал подчинёнными в угоду победы любой ценой. В 1942 году фельдмаршал не только принял руководство разбитой Роммелем британской 8-й армии и воскресил её боевой дух, но впоследствии загонял немецкого генерала по Северной Африке.

...С 21 ноября 2001 года, момента создания разведподразделения на базе 46-й бригады, всякими головоломными тропами к цели подбирались. Обездили чуть не всю Чечню: разведдозоры, прикрытие тыловых колонн, зачистки населенных пунктов. Оперативно среагировали на развилке Грозный—Петропавловская, когда убежавшую “Ниву” догоняли. Во всю ревность “железных лошадиных сил” удирал от разведчиков связной эмира, знакомый оперативникам по спискам федерального розыска. Достали!

Только в бестселлерах красиво да гладко спецоперации прописываются, подслащивая воображение обывателя. В реальности, пока результата достигнешь, столько клейкого, густого пота стечёт с бойцов, о-го-го! Далеко от банальности утверждение, что ожидаемый итог завоевывается стоической выносливостью и железной дисциплиной — на грани самоистязания. Каждому ли дано осилить? В 46-й бригаде командиры говорили, что процесс распознавания в солдате разведчика не столь долгий. В течение недели люди раскрываются. Сдал тест Купера — молодец, доказал обладание физической закалкой. А трехсуточный психологический обстрел слабо стерпеть? Вот именно, вытерпеть, на глотку своей песни наступая, потому что в связке с коллегами работать придётся в условиях, где в живых надлежит остаться. Не приходится ко двору в разведке эпатажные парни. А самобытная индивидуальность ценится... в коллективном русле, конечно. Но прежде выскивают, вытаскивают солдаты внутренний резерв и лепят... до изнеможения вылепливают стерженёк самовоспитания. Думай! Помни правило разведроты — у командира ежедневно есть право выбора и право смещения. Сжил-ся с этим — одержал первую маленькую победу над собой, над своим “я”. В разведке остаются только упрямцы. Две трети кандидатов отсеиваются, те, что единственно романтику повидать от скуки пришли. А романтика там, куда ворон костей не заносит! Уж точно не до неё было в Шелковской, когда после прочесывания Старощедринского леса попали под обстрел. Не растерялись, ловко вывернулись и погнались противника. Пять километров травили-преследовали, пока приказ возвращаться на базу не поступил. Минометы заработали, а тут упал на колени радист, ноги отказали. Под пятьдесят килограмм в духотище и при влажности на себе тащил — станция, вещешок, “разгрузка”. Бухают разрывы вокруг, ломаются израненные деревья. Под прикрытием подползает к солдату ротный.

— Давай, снимай станцию...

— Нет, встану сейчас... встану...

Пытается связист на ноги подняться и кулем валится на землю.

— Приказываю отдать станцию и боекомплект! — рычит офицер.

— Я не отдам... Я сам, — чуть не со слезами, но категорично шепчет солдат. Руками настырно упирается в землю, но не слушаются параличом взятые ноги.

Подхватили братишку на руки и понесли... Вот и вся романтика боевая! Вернулись в бригаду, а через полчаса ушли в засаду на сутки. Только встал на ноги связист — в составе группы вновь на задачу. Таковские негнибаемые парни в разведке ценны!

...Вечером в гостиничном номере 46-й бригады обменивались впечатлениями с окружным психологом капитаном Наташей Ванеевой. Затемно вернулась она с тестирования, которое у разведчиков проводила.

— Ты где была? — спросила меня.

— В штабе.

— Хочешь человеческий фактор понагляднее разглядеть, сходи-ка завтра в роту. Там дети командирские на каникулах. Игорю четыре годика, а Максиму одиннадцать. Увидишь, какую атмосферу добросердечности произвольно создают в подразделении эти ребята. Бойцы, похоже, души не чают в них. Возятся в спортзале, а то сядут и просто болтают, объясняют что-то. При ребятах лишняя грубость не выветается, и себя постоянно в форме будешь держать. Смотря ведь, всё впитывают. И чубчики у них так же выстрижены, как у солдат, и в камуфлированных костюмчиках ходят. Несмотря на возраст, чувствуется в них какая-то организованность, обстоятельность. В каждой черточке проскальзывает принадлежность к коллективу. Но это не удивительно — специфическая черта разведки. Сколько тестов в разных подразделениях проводила, видела — именно разведчики воспринимают себя как часть целого, общего. “Я солдат” — изначальная самооценка. Другие отвечают: сын, мужчина, донжуан. Для разведки все эти черты вторичны. Они и выделяются в общей массе, заметила? Не по годам взгляды серьёзные. Не только по зелёному берету отличишь, что перед тобой разведчик.

Поделилась Наталья еще одним профессиональным секретом. Из рисунков солдат, по которым психологи определяют скрытые, но характерные признаки личности, сделала вывод: увидела естественное стремление людей к гармоничному мирному существованию. И нет здесь противоречия. С психическим здоровьем в разведоте порядок! Ведь выраженное агрессивное начало разрушительно для людей и с оружием, и без оружия в руках. Если бы, вынашивая его, выполняли разведчики боевые задачи, давно бы поплатились жизнью. Беспощадность застит глаза, разве способен безумец ходить вперёд просчитывать?! При свирепстве тотальной враждебности полшага до ошибки. Но на неё у разведчиков нет права, последствия необратимы. Не за жертвами выходит разведка на боевую тропу. Проведать о противнике, прознать о его планах, разбить замыслы его! Потому что, как учил китаец Сунь-Цзы: если знаешь его и знаешь себя, сражайся хоть сто раз, опасности не будет. Ради постижения этого знания выкладывает разведка путь победы для пехоты. Всего себя до крайнего нерва, крайнего предела делу посвящая!

ВЫСОТЫ ОХОТНИКА

РАССКАЗ

На редкость свежим выдался тот рассвет... Колочий холодок бодрыми иглами вонзается в лица бойцов вэвэшников, что на броне по кособору мчат, не укрыться от мощных порывов встречного ветра. БТР кромсает туман на лоскуты, повизгивает вспоротый воздух. Начало будто за здоровье, а вот дальше что денёк сулит?

“Броня” тормозит за околицей Рошни-Чу, отсюда, с исходного рубежа пешим ходом идёт в расщелину сводная разведгруппа. Тяжкая предстоит дорога, дальняя, до самого Бакин-Хутора, где, по информации, неделю назад на горной базе “засветились” боевики с арсеналом оружия.

Семь утра. Растворилась ночь, запропала в безмолвии, а пасмурность угрюмую забыла с собой прихватить. Так и плетётся по пятам за бойцами по-

лусонная сумрачность. Вытянулись ленточкой, предельно внимательно прокрадываются вперёд разведчики. Головной дозор, как ванька-встанька, то в ложбину провалится, то на бугре возникнет. Со снайпером и пулемётчиком идёт Миха, замыкая колонну. Привычный он к таким горным перелазам, не раз доводилось с командиром Охотником Урус-Мартановские взгорья прочёсывать.

...За четыре часа шибкого ходу прохватила испарина парней, да и притомились, роздыху-то нет! Но вот и вожделенная передышка. Повалились на землю, уух-х, расслабились натуженные мышцы. Благо, черемша в излишке по округе рассыпалась, угостились лесной снедью, взбодрились, и с большим упорством вперёд, ступни бить о скалы твёрдокаменные.

...За полдень группа из двадцати двух человек обосновалась на привале, притаились наблюдатели в окрестностях. Тыловой дозор на левом фланге пристроился — снайпер чуть поодаль, Миха с пулемётчиком Бомбой упали на побуревшую прошлогоднюю листву в распадinke, метрах в четырёх от ручья. Уморились бойцы, томная слабость зыбью по чреслам прокатывается, ноет уставшее тело. Знает Миха, чуть времени дай, налѣтѣся-окрепнет былой силой корпус, поясничная гибкость воротится, твердыня упрочит ноги. Лепота! А внизу Рошни-Чу воды разлила, потягивает прохладой.

Только глаза прикрыл... и встрепенулся. Говорок с вершинки, что ли, ветер до слуха доносит, еле уловим разговор. “Ротный ходит, нечего и паялиться”, — мелькнула мысль-спасительница — смаялся, не подняться. Машинально открыл глаза Миха, сработало внутреннее чутьѣ. “Слышал?” — знаками Бомбе показывает. “Угу-уу”, — мычит напарник в ответ. Поворачивает голову разведчик, приподнимаясь на локте — взаправду, на холме, что прямо над ними дыбится, человек промелькнул. А вот и второй остановился, покуривает без спешки. Направо голову повернул Миха... и оцепенел на мгновение. Вот же он — ротный, по откосу украдкой поднимается! Чужие “доброхоты” опасные по пригорку шныряют — не место здесь для променада дневного. Пальцами обозначил обстановку командиру, в момент сросся с травой Охотник. Притаились бойцы, заняли оборону с оружием на изготовке. Двое посторонних на бугре... Кто такие, куда следуют?! Истекают пять минут напряженного ожидания. Вот они! Первый — рыжий бородач в горном комбинезоне-“горке”, с автоматом через плечо, второй — в камуфлированных штанах и спортивной куртке тянет за собой чёрную сумку. Вот те дело, за ними еще четверо ходоков! А за ними... ещё четверо?! А за теми трое...

Насчитывают разведчики до двадцати боевиков, кои вереницей, по скату прямо в лоб к ним спускаются. 300 метров до Бакин-Хутора напрямик, а тут досада поневоле! Вот и пулемётчики вражки из-за кустов вырастают — до десятка их. Медленно сходят к ручью три боевика. Оп-па, упираются взглядами в автоматные дула, из-за деревьев внезапно проросшие. Резкий тормоз! По наитию разворачиваются бородачи. В этот момент основная группа вплотную к разведчикам подходит, не больше четырёх метров между противниками! Грохнул первый выстрел. Со всех направлений открыла-обнаружила себя огнём разведка. “Поливают” неистово пулемётчики, исступленно долбят автоматчики! Очумелые от внезапности такой вызывающей, кинулись врассыпную боевики. Заметались сумбурно на тропе, беспорядочно вверх покарабкались. Оправдала себя тактика Охотника — с первой секунды сбей с толку противника, завладей ситуацией, пусть растеряется от ощущения засады могучей. Сей панику в ряды вражки, а сам жми на спусковой крючок!

Опомнились боевики, осевшие на возвышенности, когда потеряли уже немало своих. Заверещало неперемное “Ал-лах акбар!” в унисон с одиночными нецельными выстрелами, что в ответ защёлкали.

И попёрло в атаку боевичѣ.

— Пулемѣты, не молча-ать!!! — надсаживает голосовые связки взводный справа от Миха.

Вновь врутся к целям огненные струи — отступает противник. Отражая нападение, краем глаза улавливает Миха — у Петрухи заклинило пулемѣт. Разобрал-собрал пулемѣтчик “машинку” играючи, в момент. “Красав-

чик!” — отстреливаясь, обалдел-таки разведчик. А снайпер СОБРовец, ай да молодчага! Грамотно позицию выбрал, немедля залёг метрах в пяти позади и вспыхнул боем. Не выпускает из рук автомат командир СОБРа, а лицо в кровище, в первые бранные минуты разорвалась рядом с офицером граната от подствольника.

Неравны силы, вот-вот с тылов обойдёт противник. Взмах руки Охотника — отходим.

По два, по три скатываются в изложину бойцы. Опрометью кинулись к ручью, перегруппировались и по альпийскому полю да вдоль отвесного обрыва дали жару во всю прыть. Выручайте, ноги натруженные! Преследуют их боевики. То “Аллах”, то “акбар” скуные слышатся. Часа полтора, обходя взгорья, вливают разведчики по кустам. Углубляются в лесную чащобу и по тропе два километра рысью припускают. Вырулив направо по резкому повороту, речку перевалили. Залегли-замерли на берегу. Вот и грунтовая дорога к деревне спускается, не подведи, зелёнка-сестра, внизу броня ждет! Без потерь выскочили из леса к своим. Если бы ведали в пору ту разведчики, какую силущу вражью по лесу размазали. Эх, преисполнились бы гордости за себя смыслёных!

29 апреля 2004 года, аккуратно перед трагическими майскими праздниками, вывели боевики-волчары с базы молодняк. В горных норах полгода образовывали 16-летних пацанов по курсу минно-взрывного дела, а нынче шли в Грозный. Случай ухарский свёл разведку с бандитской стаей до 60 человек. Отменно потрепали противника — 17 убитыми положили, 9 тяжело ранеными, не счесть покалеченными. Вытаскивали потом оперативники из окрестных больниц пациентов с огнестрельными ранами.

...Историю эту давнюю слушаю на предгорной заставе у Комсомольского. По всему заметно, тяжело даются Михе воспоминания. То на полуслове сорвётся, то замкнётся в себе надолго. Сидит, дым сигаретный по земле стелет, недвижимый взгляд в одну точку уткнулся.

— Требовательный командир был Охотник, — покривились губы в грустной улыбке. — Но никто на нагрузки не жаловался. Знали, для нас старается. А ветер-то сильный какой поднялся! — встаёт Миха, глядит на ущелье, махиной сторонку дикую прикрывающее. — Это в горах дождь идёт. Минут через двадцать сюда доберётся... После случая этого через две недели погиб командир.

Предсказуем проливень в предгорье. Пару раз в горах громыхнёт, сверкнёт линейная молния, вот и напозают грозовые тучи на скальные вершушки. Неспешно небосклон затягивают. Исподволь гром забористый обкладывает округу, дальними раскатами подступает. Знаменует — скоро и над головой разразится грохотаньем. Но не дозволяет создатель так же несложно книгу судеб людских перелистывать!..

17 мая на трассе, что стелется вдоль Чернореченского леса, подорвали боевики сапёров. Едва радиоволны донесли скорбную информацию в Урус-Мартановское подразделение, Самурай командует: “По машинам!”.

— Первая группа — к “инженерам”, вторая — в “зелёнку”, блокировать выход на посёлок Кирова, — запрыгивая на броню, определяет Охотник.

Сколько раз пересекали разведчики тот участок дороги сомнительной, не счесть! В засадах везение испытывали. Оберегала фортуна людей, решительно ва-банк идущих. А здесь... В блажной час съехал с трассы БТР, преследуя боевиков. Поджидали их...

Разведчики, работавшие в лесу, лишь глухой звук подрыва услышали. По координатам вычислили —стряслась беда! Бежит Миха по лесу, не отстаёт Бомба, телефонист Хазик в замыкании грузно топает. Только из “зелёнки” выпрыгнули, в траве окровавленного снайпера увидели. Наклонились над пацаном — живой! Огляделись и осели на ватные ноги. Метров 150 отбросило от брони дружка, с кем в одной связке на боевую выходили. Эх-х ты ж!..

— Смотри, Пашка там, — в сторону впадины показывая, сдавленным голосом, еле слышно Бомба говорит.

Не спасти Пашку! Кинулись разведчики к горящей броне. Рвётся боекомплект, нет подхода. Трещит-мечется по железу огонь проклятый! Внутри

сгорают водитель с механиком... Охотник по обыкновению сидел на броне впереди... Части от БТРа потом метров за сто от подрыва находили.

...Уже промедол раненому солдату вкалывают, эвакуационная вертушка барражирует. Но... не дотягивает разведчик до госпиталя.

Провожали бойцы навсегда второго ротного. Год назад в Пригородном в таком же замаянном-замотанном месяце мае подорвался на броне командир Велюра. Оба разведчика, в горах век вековавшие, предначертанием судьбы на равнине погибли... Горестно, больно, обидно... Уходят специалисты-виртуозы, унося талантище самобытный, дело облагородивший, яро помнят разведчики уроки-проповеди командирские по мастерству выживания на грани сил. Штудировали их на практике в лежбищах противника. Почётный след оставляют офицеры на юдоли земной, память о них останется безупречная...

Перешагнула в нынешнем году заклеимённый май разведрота с Самураем. Работали иступленно, с двухнедельных горных виражей результаты спускали, провоцируя судьбу-лихоманку — попробуй взять нас! Возвращались на базу за сухим пайком, и обратно — высотки урус-мартановские своей воле подчинять. В Ингушетии, где нарезали задачи разведчикам, на всех вынужденных остановках трамбовали время, отмеренное на отдых, упрямыми тренировками. Двойками, тройками отшлифовывали элементы ведения боя в горах — отход, прикрытие, ориентир по азимуту.

— В Ингушетии действовали корректно, тактично, грамотно, — горделиво повышает голос заместитель командира батальона подполковник Александр Волынцев. — Ни одного инцидента с местными не было. Самурай профессионально обстоятельства просчитывал. Каждый позицию свою знал. Командование разведку нашу в деле увидело, стали привлекать не только к блокированию, но и к поисковым акциям. При досмотре в первом же автобусе за задним сидением “вальтер” нашли. Чётко с саперами сработали.

...Под Алхазурово вышли разведчики на задачу в ночь, взяли в клещи территорию, где накануне коллеги радиоперехват запеленговали. До заревого часа группы Самурая и Маэстро по обе стороны оврага высиживали, поджидая противника. Спозаранку, разбившись на тройки, предгорные тропы стерегли. Только свернулись, заземились с горки враги... Самурай в кусты рванул и давай огнём автоматным будоражить чащобу! Петруха-пулемётчик не растерялся, ухватисто “затрепал”, с правого фланга Миха огнём поддержал. “Откат”, — знаком показывает командир.

Успели устраниваться от боестолкновения эти ходоки, но, прочёсывая лес, обнаружили милиционеры вещмешки с амуницией и “сникерсами”. В кустах хоронился оброненный впопыхах сотовый телефон. Журнал звонков полистали, откликнулся корреспондент на чеченскую речь:

— Еду в автобусе, встречайте...

Разведка ретировалась через Алхазурово, видели, как спецназовцы грузили в “уазик” троих мужчин в наручниках. Один оказался матёрым боевиком, снабженцем-продовольственным у бандитов состоял, другие, волонтёры-мытари, ехали в горы в поисках лучшей доли.

Неприметно промелькнула разведгруппа в посёлке. Кто бы догадался, сколько километров земли, “берцами” топтанной, времени бессонного да рассудка здравого, бесстрашного отдано-вложено в арест этот трёхминутный. А разведчики уже к базе шли по куреу своему, судьбой предписанному, где ногами версты наматывают, а дело ладят умом. Без прозорливости да сметки не одолеть врага, скрытого в горах да расселинах.